

АНАСТАСИЯ МИРОНОВА

МАМА!!!

Анастасия
МИРОНОВА

МАМА!!!

РОМАН

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Художественное оформление *Ирины Сальниковой*
Фотография автора на переплете *Сергея Шаповала*

В романе процитированы строки из стихотворений и песен: А. Апухтина («Проселок»), А. Бондаренко («Дым сигарет с ментолом»), Т. Булановой («Кольбельная»), А. Гангова («Мы – октябрюта»), С. Крылова («Девочка моя»), гр. «Мальчишник» («В последний раз»), К. Метова («Position № 2»), И. Николаева («Афганский ветер», «Младший лейтенант»), Л. Рубальской («Мулатка-шоколадка»), Ю. Рыбчинского («Виват, король!»)

Миронова, Анастасия.

М64 Мама!!! : роман / Анастасия Миронова. – Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. – 542, [2] с. – (Роман поколения).

ISBN 978-5-17-133408-6

Анастасия Миронова (р. 1984) – прозаик, публицист. Ее тексты всегда вызывают острую полемику. Выросла в Тюмени, жила в Лондоне, потом переехала в Санкт-Петербург, а оттуда – в деревню. Публиковалась в журналах «Знамя» и «Нева».

«Мама!!!» – ее первая книга. Это не автобиография, а достоверный художественный вымысел о детях с Лесобазы, рабочей окраины Тюмени.

«Одни гневно кричат: “Проклятые девяностые!” Другие им отвечают с той же яростью: “Великие девяностые!” А между ними стоит девочка и ждет маму, которая должна принести еды. Трудная, горькая и честная книга».

(*Денис Драгунский*)

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-133408-6

© Миронова А., 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Оглавление

ПРОЛОГ

9

Первый класс
КАРЛСОН УНЕС

11

Второй класс
БАРЫГИ

120

Третий класс
ЗНАЧОК ОКТЯБРЕНКА

227

Четвертый класс
СКОЛЬКО ВЕСИТ ДУША ВОЛОДИНОЙ?

280

Пятый класс
ЛИСТЬЕВА УБИЛИ

358

ДОЧЕНЬКА!

492

ЭПИЛОГ

541

*«Мама!!!» – это не зов о помощи.
Не посвящение. Это крик ужаса.*

Не все персонажи настоящей истории выдуманы.

ПРОЛОГ

- Мама-а-а-а!!!
- Ма-а-а-ама!!!
- Мааааааааааамама!
- Мам! Ну, мам! Пора?

Ближе к восьми, когда сумерки накрывали двор полупрозрачной серостью, детская площадка простреливалась, будто пулями, тревожными тоненькими головами. Кричали большие и кричали маленькие. Кричали, зная, что мама уже дома. Кричали те, у кого мама была еще на пути с работы. За компанию с ними кричали малыши, чьи мамы в это время как раз ушли на ночную смену. Кричали даже дети алкоголичек и сироты. Просто так. Чтобы лишний раз прокричать слово «мама» в тяжелое вечернее небо.

Часов ни у кого не было, поэтому единственную передачу с мультфильмами — «Спокойной ночи, малыши!» — ловили наугад, подтягиваясь в свой двор. Кому разрешали гулять за двором, те возвращались к родительским окнам. Малыши, игравшие строго на пяточке под балконами, отрывались от песочницы, озирались и звали маму.

В этих криках «Мама!» было так мало скуки по мультикам и так много тоски. Детям, которые всегда просыпались одни, одни собирались в школу и одни оттуда возвращались, хотя бы в конце дня нужно было почувствовать заботу. Заботу взрослого. Самые приятные минуты — когда мамы возвращаются с работы и кричат издалека: «Ленка!», «Петька!», «Пашка!» — и те, отряхнув руки от песка, бегут им навстречу.

Но не всех матери звали вечером домой. Для детей не было места в тесных маленьких комнатках общежития, где на коридор — тридцать клеток по 9 и 13 метров, и в каждой одна, а то и две семьи. Кто жил тесно, гулял допоздна. Уже и мама пришла, и папа вернулся, и ужин разогрет, и Хрюша со Степашкой появились в телевизоре, а ребенка всё не зовут.

И дети кричат сами. Как будто умоляют: «Мама! Мама! Позови меня! Ну, позови!»

Из окон восьмизэтажного муравейника неохотно, медленно и даже тоскливо высовывались женские головки, головы и головищи. В любое другое время один-единственный крик «Мама!» будил весь дом, ведь это был крик о помощи. На него сбегались к окнам мамы, бабушки и некоторые папы. Но после семи вечера можно было кричать хором — мамы отдыхали и не спешили звать детей по домам.

Первый класс

КАРЛСОН УНЕС

Саше нет и шести. Она гуляет одна во дворе дома на Судостроителей. Таких, как она, много гуляет. Почти у всех мамы, бабушки и даже папы вернулись домой. Но дети на улице. В Сашин двор — единственный на весь район «городок». Деревянная детская площадка с каруселями, массивными качелями в форме крокодилов, песочницей и огромной башней в три, а то и в четыре детских роста. Всё сделано из добротных бревен и толстых цепей. Из-за этого городка в Сашин двор сбегаются дети со всей округи, в основном школьники, но иногда появляются даже пятилетние. Это хулиганы и беспризорники — приличные семьи маленьких детей в чужой двор не отпускают, у приличных пятилетние гуляют в своем дворе.

В августе в восемь часов уже темнеет и становится холодно. Саша догуливает вечер. Уже промокли туфли на липучках, колготки в крупный рубчик всё время сползают и морщатся на коленках. Она подтягивает их мокрыми руками — Саша их вымыла в луже, сегодня вместе с Анькой они лепили из грязи торты. На вытопанном пятачке под разбитыми качелями обору-

довали себе «кухню» и «кондитерскую». Сделали из песка стол, засыпали его листьями и стряпали на нем торты из черной жижи с песком, лепили каравай, украшали его веточками, бумажками, травинками. С Сашей и Анькой копошились в песке еще несколько маленьких. Но вот где-то в половину восьмого Анька убежала домой — у нее были часы, и они с Сашей научились определять время. Саша осталась.

Рядом, на сетчатых кроватях, прыгали девочки постарше. Чьи-то родители вынесли одну кровать во двор и прислонили к развалившейся скамейке. Через день появилась другая. На них прыгают, как на батуте. Саша всегда немного побаивалась больших девочек, но когда Анька убежала, она передвинула свои игрушки к ним поближе, и остальные маленькие сделали так же. Одну из старших Саша знала и боялась — это Алсу, сестра Гули с четвертого этажа. Алсу уже ходила в школу, курила и дралась. У Алсу и Гули мать — красивая статная татарка; немолодая, она часто приводила домой молодых и таких же круглолицых татар и отправляла дочек переждать вечер на улице. Алсу разрешали гулять по всему району, ее и в десять часов можно было встретить за железной дорогой. А Гуля в сумерки видела плохо. Она носила толстые очки и в темноте не выходила на улицу — бегала в коридоре. Там была своя компания, свой круг детей, которые почему-то почти не гуляли во дворе и целыми днями носились по восьми этажам. Но и Гуля, и Алсушка всё равно были лучше мальчиков.

Мальчики на Лесобазе — это всегда зло и страх. С трех лет они весь день во дворе, к пяти годам — это чистые зверята, которые гуляют до поздней ночи, — их никто не зовет домой. Однажды Саша даже спросила маму: «А почему у алкоголичек рождаются только мальчики?»

Мальчиков девочки боятся: они могут отобрать что угодно, громко ругаются, умеют материться и драться.

Когда они появляются во дворе, у Саши стынет внизу живота. Она их не различает, не запоминает. Они все кажутся чужими, не поймешь, из какого пришли двора. Саша разговаривала только с рахитиком Димкой. Ему уже пора в школу, а он ростом с двухлетнего. Димка живет с ней на одном этаже. Он редко гуляет на улице — только в коридоре, где катается на трехколесном велосипеде. Туда-сюда, туда-сюда: пятнадцать квартир в одну сторону — пятнадцать в другую. Поздно вечером Димку зовет домой мать. Всегда в одном и том же халате и всегда с большим животом, она всё время что-то варит, прогорклый запах ее варева пропитал весь коридор. У нее есть еще два сына и муж-пьяница. Их почти не видно — они всегда сидят дома, на 13-ти квадратных метрах, а Димка весь день ездит на своем велосипеде. Димка задиристый, наглый, голодный. Его выпускают на самовыпас. Еще у Димки сиплый голос — у большинства мальчишек Лесобазы он появляется уже с пеленок.

Других мальчиков с их улицы Саша по именам не знала. Для нее это был общий, без лица, портрет врага. В школе, куда ходили дети со всех концов Лесобазы, мальчики были лучше. С ними можно было поиграть. Некоторые даже не ругались. А один, тоже Димка, подарил Саше ромашку и рассказал, что если рядом ударит молния, нужно эту яркую стрелу просто перепрыгнуть.

К восьми вечера во дворе обычно оставались только мальчики и Алсушка с подружками. Остальных родители звали домой немного пораньше, чтобы те успели до мультфильмов вымыть руки и поесть. Во всех их пяти однотипных домах, называемых болгарскими пансионатами, потому что их в конце семидесятых строили болгары, были комнаты по 9 и 13 метров. Семьям с одним ребенком, семьям без детей или матерям-одиночкам давали 9 квадратов. За второго ребенка добавляли 4. Нередки были в пансиона-

тах такие переселения: одним с появлением очередного младенца увеличивали площадь, а другим при разводе ее урезали, и тогда счастливая семья менялась с несчастливой местами.

У Саши с мамой было сначала 9 метров, но потом к ним из Казахстана приехала бабушка с младшей дочерью Ириной, Сашиной тетей. На них добавили квадраты, и вся семья перебралась в комнату через стенку, где жил сантехник с женой Лидой. А сантехника отправили в маленькую, потому что их сын после училища получил распределение на Север и выписался.

Вскоре тетя Ира вышла замуж за военного и уехала с ним в Германию, но успела до отъезда получить на двоих с бабушкой еще одну комнату. Бабушка переселилась к себе. А Саша с мамой остались на королевских 13-ти квадратных метрах вдвоем, где, как в настоящей квартире, были прихожая примерно метр на полтора, туалет с раковиной и висячим душем, стояли две кровати, кресло, мебельная стенка, телевизор, швейная машинка, кухонный стол и плита. Еще у них была большая лоджия. Но главное, что в их с мамой девичьей комнатке был отдельный кухонный островок. Некоторые семьи жили в таких комнатах вчетвером и даже впятером, у них обеденного стола не было совсем или был откидной. Если кто-то садился есть, пока другой смотрит телевизор, оба друг другу мешали.

Первыми убегали на «Спокойной ночи, малыши!» те, кто дома никого не раздражал, а последними кричали домой детей загульных одиноких матерей и детей из тех семей, которым было тесно даже на 13 квадратах. В половине девятого на улице оставались только дети работяг и алкоголиков. У первых родители еще не вернулись с работы или ушли в ночную смену, вторые про детей забывали.

Песочница смиренно ждала до первого «Началось!» или «Пора!». Дети из плохих семей после восьми умол-

кали — не прослушать бы, как зовут на мультики детей из семей хороших, и прорваться домой до срока. Часто кто-нибудь из мальчишек, привыкших коротать вечера на улице и до девяти, и до десяти, вдруг срывался домой в восемь.

— Эй, ты куда? — кричали ему друзья.

— Меня мама позвала! — отвечал он на бегу, совершенно ошалев от радости, если его сегодня и впрямь позвали раньше.

А бывает, что не зовет никто мальчишку, и тогда он сам себе привирает. Прибежит домой, перепрыгивая через ступеньку, задыхается, колотится в дверь:

— Ма-а-а-ам, ты меня звала?

Но мама не открывает:

— Рано еще! Гуляй!

Мальчишка вытирал грязной рукой вспузырившуюся соплю и возвращался на улицу. Он так хотел домой, что не дожидался, когда его позовут, и шел провожать друзей, то одного, то другого, страшась темной лестницы, чтобы подбежать на обратном пути к своей двери: вдруг мама его всё-таки позвала, пока он поднимался на четвертый, шестой или даже восьмой этаж. Он снова стучал, и снова ему не открывали.

Сейчас, наверное, почти половина девятого. Уже зовут детей из девятиметровых комнат. Крикнули даже Светку Пащенко, а ведь у нее дома новый папа, и теперь мать зовет ее на мультики поздно.

Саша в восемь обычно была уже дома, но в этот раз мама стирала. У нее заканчивался отпуск, через день ей надо выходить на работу, готовить линейку. Саша пойдет с ней, потому что ее не с кем оставить, а в садик она не хочет. Воду у них в августе всегда отключали. Впрочем, и без плановых отключений на Лесобазе часто случались аварии. А порой не хватало напора. Днем они с мамой и бабушкой наносили воды из колонки за Анькиным двором. Саша тоже носила своим